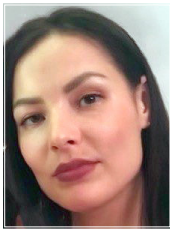


Внутренняя Монголия в философской оптике дискурса пространственной маргинальности

Дарья Александровна Ананьина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия
ananina_1989@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>



Аннотация. Актуальность исследования обусловлена пространственным поворотом в гуманитарных науках, который сместил фокус с экономико-географического детерминизма на исследование пространственной маргинальности как продукта культурного и символического конструирования. Целью статьи является выявление и анализ дискурсивных механизмов конструирования пространственной маргинальности на примере Внутренней Монголии КНР как сложного исторически изменчивого феномена. Заявленная цель предопределяет задачи: 1) выявить механизмы дискурсивного конструирования Внутренней Монголии как «Окраины» в имперский период; 2) проанализировать трансформацию модуса «Провинция» в республиканский период; 3) проследить, как после 1949 г. доминирующими становятся модусы «Периферия» и «Провинция», обусловленные логикой социалистического строительства; 4) сформулировать концепцию «интеграционной маргинальности», как гибридного режима территории. Материалы исследования включают корпус официальных нарративов китайских властей (документы, правовые акты, риторика политиков), а также широкий пул зарубежных и российских работ по истории интеграции Внутренней Монголии. Методами исследования выступают критический дискурс-анализ, а также метод декомпозиции на основе адаптированной концепции «матриц культурного ландшафта» В. Л. Каганского. Результатом исследования стала разработка четырёхкомпонентной модели модусов пространственной маргинальности, на основании которой сформулирована ключевая концепция — «интеграционная маргинальность», описывающая устойчивое воспроизводство подчинённого статуса Внутренней Монголии через её поэтапное инкорпорирование и символическое «переваривание» в составе «Единой китайской нации».

Выводы: в имперский период маргинальность конструировалась преимущественно через модус «Окраины», основанном на китаецентричном восприятии региона как опасного «Другого». В республиканский период кризис центральной власти привёл к острой борьбе за определение модуса «Провинция», что сделало регион полем столкновения внешних интересов. С установлением власти КПК доминирующей стала логика двойной интеграции: экономической и культурно-политической. Современный этап характеризуется формированием гибридного режима «интеграционной маргинальности», где полное административно-экономическое включение региона сочетается с устойчивым воспроизводством его символической подчинённости через взаимопроникновение всех четырёх модусов.

© Ананьина Д. А., 2026

Ключевые слова: культурный ландшафт, властный дискурс, пространственная маргинальность, периферийный регион, нарратив, приграничье, постколониальная критика

Для цитирования: Ананьина Д. А. Внутренняя Монголия в философской оптике дискурса пространственной маргинальности // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-8-27>

Research article

Inner Mongolia in the Philosophical Optics of Spatial Marginality Discourse

Darya A. Ananyina

Transbaikal State University, Chita, Russia
Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia
ananina_1989@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-3509-7036>

Abstract. The relevance of the article is due to the *spatial turn* in the humanities which has fundamentally reoriented scholarly understandings of spatial marginality, moving away from economic and geographical determinism to conceptualizing it as a complex product of cultural and symbolic construction. The aim of the article is to identify and analyze the discursive mechanisms of constructing spatial marginality using the example of Inner Mongolia, China, as a complex, historically changing phenomenon. The stated goal predetermines the tasks: 1) to identify the mechanisms of discursive construction of Inner Mongolia as the *Borderland* in the imperial period; 2) to analyze the transformation of the *Province* mode in the republican period; 3) to trace how, after 1949, the *Periphery* and *Province* modes became dominant, conditioned by the logic of socialist construction; 4) to formulate the concept of *integrative marginality* as a hybrid regime of territory. The research materials include a corpus of official narratives of the Chinese authorities (government documents, legal acts, policy directives, and political rhetoric), as well as a wide pool of foreign and Russian works on the history of the integration of Inner Mongolia. Methodologically, the study utilizes a critical discourse analysis of official state narratives spanning three distinct historical-political formations — the Qing Empire (since 1636), the Republic of China, and the contemporary People's Republic of China — as well as a decomposition method based on the adapted version of Vladimir Kagansky's *cultural landscape matrices* model. The result of the study and its key empirical and theoretical contribution is the development of an original four-modal analytical model of spatial marginality and the formulation of its central theoretical concept *integrative marginality*, describing a sustainable reproduction of the subordinate status of Inner Mongolia through its gradual incorporation within the "homogenous" Chinese Nation. The study concludes that during the imperial period, marginality was constructed primarily through the *Borderland* mode, based on a Sino-centric perception of the region as a dangerous Other. During the republican period, the crisis of central authority led to a fierce struggle to define the *Province* mode, making the region a field of clashing external interests. With the establishment of the Communist Party of China (CPC), the logic of dual—economic and cultural-political — integration became dominant. The current stage is characterized by the formation of a hybrid regime of *integrative marginality*, where the full administrative-economic inclusion of the region is combined with the persistent reproduction of its symbolic subordination through the combination and fusion of all four modes.

Keywords: cultural landscape, power discourse, spatial marginality, peripheral region, narrative, borderland, postcolonial criticism

For citation: Ananyina, D. A. (2026) 'Inner Mongolia in the Philosophical Optics of Spatial Marginality Discourse', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(1), pp. 8–27. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-8-27>

Введение

Радикальная трансформация восприятия пространства, произошедшая в XX – начале XXI вв., ознаменованная отказом от рассмотрения его в качестве пассивного статичного «вместилища» социальных и культурных процессов в пользу активного социально конструируемого феномена, открыла новые перспективы для анализа власти, идентичности и культурных репрезентаций. В русле реляционного подхода особую актуальность приобретает философско-культурологический анализ пространственной маргинальности, поскольку именно в культурных репрезентациях и дискурсивных практиках наиболее явно проступает механизм символического производства иерархии «центра» и «периферии». В этом смысле пространство предстаёт в качестве культурного конструкта, насыщенного значениями, мифами и нарративами. Исследование того, как властный дискурс конструирует, присваивает и «переваривает» культурное наследие периферии, позволяет выйти на уровень фундаментальных проблем философии культуры: проблемы «Другого», механизмов конструирования идентичности, а также символической власти. Таким образом, предметом заявленного исследования выступает не только пространственная маргинальность как таковая, но и дискурсивные механизмы культурной интеграции, рассмотренные на примере Внутренней Монголии — одного из периферийных регионов КНР.

На сегодняшний день в социальных и гуманитарных науках сформирован теоретический фундамент, позволяющий анализировать проблему конструируемости пространства. В разработку этой проблематики внесли вклад многие учёные.

А. Лефевр отмечал необходимость «дешифровки проекций, утопий, символов, наполняющих социальное пространство» [Лефевр, 2015: 27]. П. Бурдьё отвергал существование нейтрального географического пространства, противопоставляя ему «социальное поле» — арену символического противостояния центра и периферии [Бурдьё, 1993: 140]. Д. Косгроув видит в символическом ландшафте инструмент отражения и воспроизводства пространственного неравенства, задающего систему координат с чётко очерченной иерархией [Cosgrove, 1984: 69]. Ж. Делез и Ф. Гваттари формулируют ризоматическую модель пространства, лишённого предустановленных бинарностей: пространство децентрализовано и нелинейно, — следовательно, способно произвольно «пересобирать» себя на основе множественных гетерогенных элементов [Делез, Гваттари, 2010: 51–52]. Э. Сояя в рамках своей концепции «пост-метрополиса» полагает, что пространство приобретает черты символической ментальной конструкции; центр и периферия в таком случае предстают в виде сконструированного мифа, в котором воображаемое предшествует реальному (по Бодрийяру прещесия симулякров) [Сояя, 2003: 137].

Соглашаясь с тезисом о конструируемости пространства, И. Митин развивает концепцию мифогеографии, в рамках которой предполагается декомпозиция «палимпсеста» — многослойной иерархически сконструированной системы пространственных представлений [Митин, 2005: 16].

Проблема дискурсивного конструирования пространственной маргинальности также широко исследуется на материале региональных кейсов. Например, в постсоветских исследованиях разрабатывалась проблема конструирования образа Сибири и Дальнего Востока в качестве ресурсной периферии и стратегической окраины

[Каганский, 2001, Bassin, 2004, Zatsepine, 2017]. Современное состояние публичного и официального дискурса описано коллективом дальневосточных авторов в работе о мифологизированном конструкте «потенциальности» Дальнего Востока [Потенциальный Дальний Восток..., 2024]. Реляционный взгляд на «пространственное сжатие» дальневосточной периферии демонстрируют Л. Бляхер, К. Григоричев и А. Ковалевский [Жизнь в пустоте..., 2024].

Феномен маргинальности как таковой осмысливается в рамках современного направления социально-экономической географии «marginality studies». В частности, В. Леймгрубер, подчёркивая процессуальный, реляционный характер «маргинального состояния», зависящего от контекста и масштаба, критикует бинарную оппозицию «центр-периферия», как редукцию сложной реальности [Leimgruber, Chang, 2019]. Также он отмечает важность нематериальных культурных активов периферийных пространств, которые часто игнорируются в экономико-детерминистских моделях. Данный подход дополняет критическую теорию пространства объяснением механизма маргинализации региона не только посредством экономической экстракции, но и символической эрозии его нематериальных активов.

Философско-культурологический взгляд на концепцию маргинальности представлен Х. Вильджоеном, который, продолжая семиотическую теорию культуры Ю. М. Лотмана, определял маргинальную зону в качестве «горячей точки» пространства, точки диалога и генерации новых смыслов [Viljoen, 1998: 18–19]. Здесь, на границе «своего» и «чужого» семиотического пространства, происходит конструирование образа «Другого» и его маркирование в качестве опасного, чуждого. Анализ Вильджоена предоставляет инструментарий для деконструкции маргинальности как продукта семиосферы.

Применительно к Китаю в данной связи значительное внимание исследователей уделяется Тибету и Синьцзяну, где официальный нарратив «неразрывной связи с Китаем» легитимизирует политику последовательной ассимиляции [Kinzley, 2010; Vesquelin, 2000; Лазарева, 2011; Сыроежкин, 2015] и др. Длительная история, а также разные аспекты экономической, политической и, наконец, символической инкорпорации Внутренней Монголии глубоко исследованы О. Латтимором, П. Крослей, С. Путховал¹, Д. Маккмахон, П. Дудиным и др. [Lattimor, 1934; Empire at the margins..., 2006; McMahon, 2021; Дудин, 2024]. Стоит также отметить концептуальный анализ У. Булага, который обосновал, что пространственная маргинальность современного АРВМ укоренена в исторически сложившейся внутренней неоднородности региона. Булаг отмечает, что до середины XX в. регион не представлял собой единого образования. Напротив, он состоял из политических и культурно неоднородных частей, а именно из Восточной (Внутренней) Монголии, где были сильны панмонгольские проекты и Западной (бывшая провинция Суйюань), в которой доминировали прокитайские настроения. Булаг определяет создание Автономного района в 1947–1954 гг. не как «воссоединение» восточных и западных земель, а как проект унификации, в ходе которой модель прокитайской Западной (Внутренней) Монголии была распространена на весь регион, заложив основу для символической маргинализации восточных аймаков [Bulag, 2002: 150–152]. Данный аспект важен для понимания внутренней иерархизации в процессе построения единого административного пространства.

Важный вклад в исследование региона в контексте его отношений с центром внесён отечественной научной школой. Классические труды советских китаеведов А. А. Москалева, А. В. Меликсетова, О. Е. Непомнина

¹ Puthuval S. Language maintenance and shift across generations in Inner Mongolia: A dissertation ... degree of Doctor of Philosophy. Seattle, 2017. 195 p.

и др. заложили фундамент понимания социально-экономических и политических процессов в Китае и на его периферии в имперский и республиканский периоды, предложив, в частности, детальный анализ аграрных отношений, структур управления и национального вопроса [Москалев, 1981; Меликсетов, 1977; Непомнин, 1974]. Эта традиция получает развитие в работах современных российских авторов, которые, опираясь на новые методологические подходы и источниковую базу, исследуют трансформацию культурного ландшафта, идентичности и механизмы интеграции Внутренней Монголии в состав КНР² [Мажинский, 2012, 2015; Дудин, 2024].

Приграничный аспект управления «северной периферией» разрабатывался в работах И Ван, С. Урбански и др. [Wang, 2021; Urbansky, 2020]. Вопросы этнической политики КНР в отношении АРВМ осмыслялись в работах В. Клиновского, А. Хан, Ли Цзинь, Д. Снит и др. [Клиновский, 2021; Khan, 1996; 李晶, 2006; Sneath, 2023] При этом несмотря на значительную разработанность отдельных аспектов интеграции Внутренней Монголии в составе КНР, до сих пор не сформирована целостная аналитическая модель её пространственной маргинальности. Данное исследование восполняет эту лакуну, стремясь с помощью теоретического инструментария перейти от описания частных аспектов проблемы интеграции Внутренней Монголии к обобщающей нелинейной модели.

Методологические проблемы языка описания: динамика в противовес статике

Методологической основой исследования является синтез подходов, центральных для современной философии культуры и критической теории. Этот синтез позволяет анализировать пространство как феномен, в котором материальные практики

неразрывно сплетены с символическими репрезентациями. Теория А. Лефевра позволяет утверждать, что маргинальность Внутренней Монголии не предзадана, а производится через конкретные практики, а также через репрезентации пространства, создаваемые властным дискурсом. М. Фуко через понятия дискурс и власть-знание предлагает инструмент для анализа того, как культурные нормы и классификации (норма/отклонение, свой/чужой) производятся и имплементируются властными институтами. Э. Саид и Х. Бхабха в рамках постколониальной критики вводят в философский оборот ключевые для понимания пространственной маргинальности концепты — «ориентализма» и «гибридности», раскрывая механизмы культурной колонизации и сопротивления ей. Предлагаемый теоретический каркас позволяет исследовать процесс маргинализации не в узком экономическом или политическом ключе, а как многогранный феномен культуры, предполагающий борьбу за смыслы, идентичность и символическое доминирование.

Метод дискурс-анализа, применяется в исследовании с целью выявления метафор, категорий и дефиниций, конструирующих образ Внутренней Монголии, в официальных документах (включая архивные документы) и заявлениях уполномоченных лиц. В свою очередь, концепция матриц культурного ландшафта В. Каганского (рис. 1), предоставляя категориальный аппарат, позволяет систематизировать данные дискурс-анализа по четырём модусам пространственной маргинальности: Центр (метрополия, ядро) Провинция (средняя зона) — Периферия (колония, окраина, зона освоения) — Граница (край, рубеж, маргинальная зона). Их отношения можно представить в виде матрицы, где различные типы выстраиваются последовательно согласно степени их удалённости от Центра [Каганский, 2001: 67–91].

² Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 2003. 246 с.

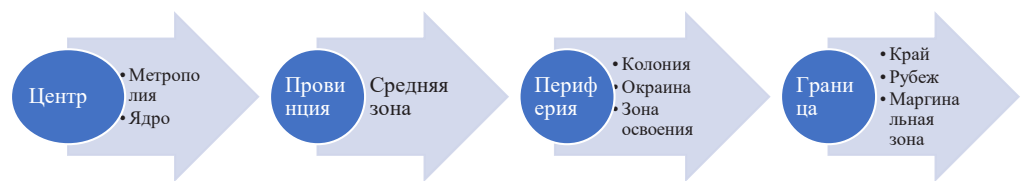


Рисунок 1. Матрица типов культурного ландшафта по В.Каганскому
Figure 1. Matrix of cultural landscape types according to V. Kagansky

Соглашаясь с принципами, положенными в основу указанной типологии, мы тем не менее не склонны рассматривать эти типы как идеальные статичные модели, и противопоставляем им модусы пространственной маргинальности, имеющие подвижные границы и находящиеся в непрерывном процессе «пересобирания», «переконструирования» и «гибридизации». В этой связи модель модусов пространственной маргинальности с нашей точки зрения имеет не линейную структуру, а форму кругов Эйлера, где пересекающиеся участки создают те самые гибридные пространства, «третьи места». Подобная модель во многом объясняет проблему, обозначенную Ю. Преображенским: «не всякая периферийная территория является

маргинальной и наоборот: не всякая маргинальная территория является периферийной» [Преображенский, 2020: 7]. Также она позволяет визуализировать логические связи между модусами, вариации комбинаций которых создают гибридные формы. Таким образом, для операционализации теоретического синтеза и перевода понятийного аппарата В. Л. Каганского в плоскость дискурс-анализа, нами была разработана следующая аналитическая модель (табл.1). Она представляет собой четыре модуса пространственной маргинальности не как идеальные типы, а как дискурсивные режимы, которые выявляются через конкретные языковые маркеры в официальных нарративах и порождают определённые пространственные эффекты.

Таблица 1. Аналитическая модель модусов пространственной маргинальности
Table 1. Analytical model of modes of spatial marginality

Модус	Сущность		Ключевые дискурсивные маркеры	Пространственный эффект	
Периферия	Экономическая зависимость, экстракция ресурсов		«Энергетическая база», «ресурсная база», «вклад в общенациональное развитие»	Закрепление отсталости, зависимое развитие	
Фронтир	Плацидарм для внешней экспансии, зона влияния		«Мост в Евразию», «узел Пояса и Пути», «экономический коридор», «зона приграничного сотрудничества»	Инструментализация региона для внешней политики	
Провинция	Внутренняя унификация, ассимиляция, контроль		«Единая китайская нация», «братство народов», «общие стандарты», «языковая политика», «туристический бренд»	Стирание идентичности, символическое «переваривание»	
Окраина	Зона риска, опасности, исключения		«Стабильность», «борьба с сепаратизмом», «укрепление границ», «угроза терроризма»	Секьюритизация	

Конструирование модуса «Окраина» в имперский период

Обращение к анализу процесса конструирования властного дискурса в отношении приграничного региона Китая —

Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), — следует начать с определения хронологических рамок рассмотрения с момента официального её присоединения к империи Цин в 1636 г. и до н.в. Прежде всего следует отметить, что дискурс империи

Цин не был монолитным; его историческое существование уместно проследить с позиций конструирования посредством четырёх модусов переработанной «матрицы Каганского».

Периферийный модус являет себя через установление контроля за свободным перемещением кочевников, для чего Цинская администрация определила административные границы, так называемые знамёна, а также через проведение земельной реформы и внедрения в иерархию управления этими территориями ещё одного звена — военных губернаторов в 1900–1911 гг. Суть земельной реформы сводилась к открытию пастбищных земель (правами на которые до этого обладали исключительно монголы) для широкого сельскохозяйственного использования. Посредническая функция в деле продажи земель, налоговых сборов и т.д. между монгольскими знаменосцами, ханьской переселенческой элитой и Цинской администрацией (в частности, в лице Лифаньюаня — «Палаты сношений с варварами») ложилась на вновь созданный институт военного губернаторства, что представляло собой значительный шаг в обеспечении экономического и политического контроля [Wang, 2015: 1663]. Таким образом, политика Цин, стартовавшая с предоставления широкой автономии кочевым народам северной периферии, постепенно централизуется, а эти территории из внешних — «застенных» — становятся частью государственного тела. Важно отметить: этот процесс диффузного включения варварской периферии не был форсированным и силовым, что во многом позволило избежать сепаратистских выступлений в этот период; напротив, созданный институт военного губернаторства позволил сформировать оптимальные условия для централизации. В качестве своеобразного посредника, он заключал в себе трансгрессивную функцию проводника, снижающим градус напряжённости как центр-периферийного дуализма, так и монголо-ханьского антагонизма (в качестве признака такого стратегического и символического сдвига можно рассмотреть тот факт, что правители Цин приложили усилия к изменению топонимов вдоль

границ, которые напоминали бы о ханьско-монгольском антагонизме — изменение с «варвар» (hu 胡) на более нейтральное «тигр» (hu 虎)) [Wang, 2021: 65]. Более того, являясь агентом профанного в пространстве сакрального, этот сдвиг обеспечивал обратную трансгрессию, внося элементы порядка в хаос варварской периферии, тем самым сделав эти территории более управляемыми и подконтрольными.

Провинциальный модус опосредован трансформацией «великоханьской» антикинетической модели, которая происходит в XVII в. с приходом маньчжуров к власти и хронологически совпадает с присоединением Южной Монголии. Дискурс «умиротворения» кочевников, включавший раздачу чиновничьих титулов, закрепление регламента их поведения в соответствующем «Уложении», создание системы контроля приводит к поглощению территории Южной Монголии в тело государства, что соответственно меняет и её дискурсивное оформление [Курас, 2016: 128]. Как отмечал Ван Липин, во Внутренней Монголии не было какого-либо над-локального политического центра, управляемого правителем, подобным суверену. Вместо этого мобильные монголы были разбросаны небольшими изолированными группами, чьё политическое объединение редко выходило за рамки кланов и племён. Приспосабливаясь к местной раздробленности монголов, империя Цин создала сложную систему управления, учитывающую их мобильность, за счёт предоставления им относительной автономии. Эти меры отличали монголов от большинства ханьцев, которые находились под регулярным бюрократическим контролем [Wang, 2015: 1650].

Специфическое проявление фронтирного модуса выражается в его оборонительной риторике в рассматриваемый период. Геополитические устремления Российской империи, распространившей своё влияние в Маньчжурии, составляли значимый повод для беспокойства на общем фоне колониальной экспансии европейскими странами. О гипотетической угрозе конфликта, который не сбрасывался со счетов цинской администрацией, свидетельствуют некоторые данные из отчёта по поездке

на р. Сунгари агента Амурского пароходства Зиновьева от 1895 г., сообщавшего о том, что «по ходу течения Сунгари, у деревни Хон-тай и у крепости Баян-ту фарватер завален камнями в 80-годы, когда ожидалась война с Россией»³. Напомним, что в это время случился Кульджинский кризис, связанный с активизацией России по установлению своего контроля в Илийском крае. Россия, хоть и вносившая весомый вклад в развитие архаично-феодального общества на северо-востоке Китая посредством транспортно-логистических проектов, строительства инфраструктуры (что резко отличало её присутствие в регионе от агрессивной экспансии англичан), тем не менее воспринималась местным населением и властями как *экзистенциальный «другой»*. Маркирование России как чужого, инакового и чуждого, выражалось в такой типичной для имперского Китая манере ведения дел с иностранцами, как манипулирование, обман, лукавство, потворство бандитам и т.д.

Наиболее выраженным в имперский период представляется модус Окраины, что во многом объясняется особым бэкграундом «накануне» присоединения Внутренней Монголии. Он был связан со сложившейся китаецентричной моделью, основанной на восприятии Китая себя как «Срединного царства», находящегося на недостижимой высоте для «варварской периферии» — чужой, нецивилизованной и опасной [Wang, 2022: 7]. П. Крослей указывает, что в «Черновике истории династии Цин» (Цинши гао), народы Монголии и Синьцзяна маркируются как фаньбу — зависимые племена [Empire at the Margins..., 2006; 75]. Очевидно, что в семиотическом ключе именно отсюда проистекает властный дискурс в отношении кочевых народов Севера, который выстраивается по принципу «управления варварами руками других варваров».

В то же время, как отмечает Ван И, до современных времён в китайском языке не существовало конкретного названия для этой обширной территории. Она

маркировалась общими терминами, такими как «за перевалом» (коувай 口外), «за пограничной крепостью» (сайвай 塞外) и «за границами» (бяньвай 邊外), что частично отражало её статус как «несуществующего объекта» в пространственной концептуализации китайцев. Термины «перевал», «крепость» и «граница» неизменно относятся к Великой стене, которая обозначала физическую границу между Китаем и степью, и социально-экономическую границу между двумя различными цивилизациями и обществами кочевого скотоводства и оседлого земледелия; служила примером физического и символического разграничения между «внутренним» (нэй 內) и «внешним» (вай 外), а также «культурным» (хуа 華 или ся 夏) и «варварским» (и 夷) [Wang, 2021: 61]. Такие различия имели первостепенное значение для конфуцианского космологического порядка, поскольку кочевники были не только угрозой оборонительным рубежам Китая, но культурным «Другим». Указанная модель определяет естественное «гармоничное» положение Китая как транслятора культурных канонов и образцов, следование которым представляет для «других» шанс приобщиться к китайской культуре и очиститься тем самым от «варварской скверны». Имплицитно присутствующая здесь бинарная оппозиция «чистота-грязь» транслирует то, что Ю. Кристева обозначила как абъекцию, т.е. отвержение, в результате чего возникает китайская космология, где варвары представляют угрозу чистоте китайского культурного пространства [Кристева, 2003]. Таким образом становятся этически оправданными такие практики, как манипуляции, интриги и подкупы инструментом управления, ведь благодаря им нивелируется возможность непосредственного контакта «с нечистым» и оказываются менее востребованы приёмы прямого подавления.

Выявленный центр-периферийный принцип маркирования социального пространства предопределял последующее

³ Государственный архив Забайкальского края, Ф.239, оп.1, с.9.

не только административное, но и символическое закрепление присоединённых окраин в общую систему властного дискурса, который, как подчёркивает Д. Макмахон, включал «ориенталистское» представление о приграничных землях и народах как диких и непокорных [McMahon, 2021]. Важно в этой связи отметить, что ориентализм, базирующийся на объективации «Другого», по замечанию Э. Саида представляет собой универсальный инструмент экспансии, который не ограничен национальными, языковыми, религиозными и какими-либо другими рамками [Саид, 2021: 23–24]. Китай, будучи жертвой колониальных притязаний европейских держав в XIX в., в то же время и сам осуществлял объективацию приграничных территорий, которые, помимо Южной Монголии, включали Халху, Синьцзян, Тибет и др. [Mosca, 2013: 85].

Как уже отмечалось ранее, дискурс способен не только создавать приемлемую версию реальности, но и имплементировать произведённые им ментальные конструкции в реальность. В этой связи Цинская бюрократия также широко использовала систему этико-поведенческого маркирования на основе дуальной оппозиции норма/отклонение. Д. Макмахон, исследовавший приграничные территории империи Цин, рассматривает правительственный язык, обращающийся к социальным отклонениям в период правления

Цяньлуна 乾隆 (1736–1795), Цзяцина 嘉慶 (1796–1820) и Даогуана 道光 (1821–1850). Этот автор, используя Цинские Истинные записи (Цин шилу 清實錄), особо выделяет категорию цзянь 奸 (предательский или злодейский), которая охватывает совокупность преступной, незаконной деятельности, выявленной, осуждённой и управляемой на территориальных границах Цин [McMahon, 2021: 131].

В бюрократической классификации слово *цзянь* (и его вариации, такие как *цзяньминь* 奸民 — предатель) служило для маркирования широкого спектра ненормативного поведения. Д. Макмахон также отмечает, что *цзянь* позиционировался как концептуальная противоположность *лян* 良 (хороший) и *йи* 義 (праведный). При обсуждении имперских пограничных территорий *цзянь* также часто сопоставлялось с *йи* (чужаками, варварами): первые описывались с его помощью как нарушающие границы подданные Цин, а вторые — как инородцы. [McMahon, 2021: 134–135]. Результатом формирования такого бюрократического вокабуляра стала система дуального маркирования, в основе которой лежал критерий лояльности цинской власти и готовность следованию как подданными, так и «варварами» предписанным ритуалам и конфуцианским канонам. Наиболее наглядно это представлено в предложенной нами таблице 2.

Таблица 2. Бинарные оппозиции, маркирующие социальное пространство в империи Цин

Table 2. Binary Oppositions Marking Social Space in the Qing Empire

«мудрец» (сяньжэнь 賢人)	«вероломный человек» (цзяньжэнь 奸人)
«хороший народ» (liangmin 良民)	«вероломный народ» (цзяньминь 奸民)
«люди внутренней части империи» (min 民)	«внешний народ» (yi 夷)
«праведный народ» (yimin 義民)	«злодейский народ» (zeimin 賊民)
«гармоничный народ» (hexie min 和谐民)	«хаотичный народ» (luanmin 亂民)
«люди внутренней части империи» (min 民)	«коварные варвары» (jian yi 奸夷)

Интересен тот факт, что данные категории имели довольно большую вариативность и ситуативность в плане маркирования того или иного социального действия в зависимости от геополитических условий, исторического контекста

и конкретной ситуации. В качестве примера приведём сообщение Н. А. Зиновьева о том, что «хунхузы составляют ныне бич китайского судоходства, т.к. китайские власти не только ничего не предпринимают против них, но зачастую находятся

с хунхузами в негласном союзе⁴. Явная амбивалентность в отношении хунхузов, с одной стороны именуемых «коварными бандитами» (jianfei 奸匪), а с другой приравненных к «партизанам» в силу важности их деятельности для противостояния колониальным притязаниям Российской империи. Напомним: последняя наиболее активно продвигала свои транспортные проекты именно в Маньчжурии (пароходство по Сунгари, КВЖД). Агонирующая Цинская империя в это время всё больше погружалась в пучину анархии ввиду тотальной политической дисфункции, не имея иной возможности сопротивления «империалистическим хищникам», кроме как закрывать глаза на открытый бандитизм, чинимый на северо-востоке хунхузами.

Таким образом, для Китая имперского периода свойственно восприятие северной периферии как пространства, несущего в себе имманентную опасность, исходящую от многочисленного обитающего здесь «преступного элемента» вкупе с проживающими на этих территориях кочевниками, номадный образ жизни которых имел потенциальную возможность трансгрессии — пересечение границ, что в метафизическом смысле может означать сепарацию, отделение, переход. Можно констатировать, что уже в имперское время Внутренняя Монголия дискурсивно маргинализировалась посредством установления экономического контроля, административного освоения и символического исключения через образ внутреннего «Другого».

Модус «Провинция» как поле битвы за идентичность в республиканский период

Распад империи Цин привёл к кризису легитимности центральной власти и вакууму значения в определении статуса Внутренней Монголии, что породило острую борьбу между различными политическими силами не просто за контроль над территорией, а за гегемонию

в интерпретации провинциального модуса. Разные акторы (националистическое правительство Китая, Япония, Халха (Внешняя Монголия), Советская Россия), спекулируя на культурной идентичности кочевых скотоводов и идее автономии, предлагали взаимоисключающие проекты будущего региона, пытаясь переопределить саму суть его идентичности. В период политической нестабильности после Синьхайской революции пространство Внутренней Монголии представляется полем конкурирующих связей, отношений, а, следовательно, и попыток перекодирования пространства сообразно с усилением влияния тех или иных сил в регионе. Например, в среде местных князей отсутствовало единство мнений относительно будущего Внутренней Монголии. Некоторые из них боролись за присоединение к Внешней (для чего обращались за помощью то к России, то к Японии); молодые прогрессивные представители монгольской элиты выступали за независимость; консервативный блок, напротив, ратовал за расширение автономии в составе Китайской Республики. Также циркулировали идеи сторонников создания автономного буферного государства (между Маньчжоу-Го и Россией) при поддержке Японии. Как отмечает О. Латтимор, «монгольские степи никогда не были “ничьей землей”, они были землей, которую оспаривали все» [Lattimore, 1934: 106].

Очевидно, что управление регионом в условиях политических флуктуаций потребовало переизобретения формулы, легитимизирующей усиление контроля центра за приграничьем [Дудин, 2024: 142–143]. Таковой стала концепция «У цзу гунхэ» (五族共和) — 5 народов Сунь Ятсена — ключевой националистический нарратив ранней Китайской Республики, в которой Внутренняя Монголия занимала двойственное положение. С одной стороны, она входила в «семью» из 5 народов, что означало символическое равенство; но фактически имела подчинённое положение. При этом использовались такие языковые приёмы,

⁴ Государственный архив Забайкальского края, Ф.239, оп.1, с.42.

обосновывающие необходимость консолидации перед внешней угрозой, как метафора «рассыпанного песка» (散沙), которому необходимо объединиться в камень⁵; апелляции к историческому наследию как источнику гордости, длительному совместному сосуществованию, экономическому росту и модернизации [Сунь Ятсен, 1985: 3, 41–42, 64, 70]. Противоречивый характер этого националистического конструкта способствовал тому, что китайский нарратив «единства» был с лёгкостью заменён на альтернативный прояпонский проект «Великая Монголия» в рамках марионеточного государства Мэнцзян, который эксплуатировал риторику «защиты» прав монголов от китайской экспансии. Между тем псевдосуверенная Провинция, маркированная коммунистами как «лже-автономия» (с одновременным призывом «мобилизации народных масс на создание органов власти под лозунгом «подлинной автономии»»), служила буфером в советско-японском противостоянии. В свою очередь панмонгольский проект, активно продвигаемый остатками белых армий, бежавших в Монголию после Гражданской войны в России, представлял собой ещё более радикальное видение суверенной Провинции, угрожавший территориальной целостности не только Китая, но и молодой Советской Республики.

Учитывая нелинейную динамику перераспределения пространства и дискурсивных модусов Внутренней Монголии в республиканский период, модус Провинции, понимаемый в качестве культурной автономии, стал главным полем битвы, который разные акторы наполняли противоположным содержанием: от лояльной автономии в составе Китая до марионеточного государства и плацдарма для сепаратистского панмонгольского проекта. Эта борьба происходила на фоне того, что регион объективно оставался и Фронтиром — зоной столкновения интересов Китая, Японии,

России, и Украиной — пространством хаоса, бандитизма, неуправляемости, что лишь усиливало риторику каждой из сторон о необходимости «наведении порядка».

Двойная доминация модусов «Периферия» и «Провинция» после 1949 г.

Победа КПК над Гоминьданом и образование следом КНР в 1949 г. ознаменовала новый этап в процессе очередной трансформации властного нарратива в отношении Внутренней Монголии. С установлением власти КПК доминирующими становятся модусы «Периферия» и «Провинция», подчинённые задаче строительства социалистического государства. В рамках провинциального модуса ключевыми концептами в отношении Внутренней Монголии на раннем этапе были «Минцзу цюй-юй цзычжи» (民族区域自治) — формальная автономия при партийном контроле. Подход к меньшинствам в первые годы существования КНР основывался на идее классовой борьбы. На практике же концепция региональной этнической автономии (民族区域自治) сопровождалась миграцией ханьцев, ими были заняты все ключевые посты в регионе, — с тем, чтобы минимизировать сепаратистские инициативы националистического периода [Shen, Shyu, 2023: 60].

Периферийный модус проявлялся в начавшемся процессе интеграции Внутренней Монголии в общую систему государственного хозяйствования, в соответствии с чем изменяются и официальные нарративы, сопровождающие эти институциональные перестройки. Основопологающим становится принцип развития «Фачжань» (发展) отдалённых северо-западных территорий, в рамках которого во главу угла ставится экономическое развитие и борьба с бедностью.⁶ В этот период на передний план выдвигается восприятие Внутренней Монголии в качестве «кладеза природных

⁵ Sun Yat-sen San min chu I the three principles of the People Doctrine of Nationalism. P. 3, 41, 42, 64, 70. URL: Microsoft Word - San-Min-Chu-I_FINAL.rtf

⁶ The State Council The People's Republic of China. 2020. Speech at the Symposium on Securing a Decisive Victory in Poverty Alleviation by Xi Jinping: http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/06/content_5488151.htm

ресурсов», способного стать энергетической базой страны с целью обеспечения бурно развивающихся восточных и приморских регионов. Опираясь на богатые минеральные ресурсы, такие как уголь, нефть и газ, железная руда, цветные металлы и редкоземельные элементы, Внутренняя Монголия быстро заняла опорное положение в угольной, электроэнергетической, металлургической, химической промышленности и других отраслях страны. В 2016 г. добавленная стоимость промышленности достигла 775,824 млрд. юаней, увеличившись в 6148,2 раза по сравнению с 1947 г. Среднегодовой прирост составил 13,5%, увеличившись в 108,9 раза по сравнению с 1978 г. Доля промышленности в ВВП постепенно увеличивалась: в 1952 г. она составляла всего 8,1%, в 2006 г. превысила 40%, достигнув 49,5% в 2011 г.⁷ Таким образом, Внутренняя Монголия, встраиваемая в отведённую ей нишу промышленной «кузницы страны», обнаруживает своё закрепление в системе центрo-периферийного дуализма.

Наиболее ярко демонстрирует пространственный диспарат концепция «линии Ху», что выражается в существенной разнице показателей экономического развития, благосостояния населения, заселённости, включая миграционные тренды, в которых преобладает отток из северо-восточных провинций [Ху, 1935]. Фронтальный модус социалистического этапа (до провозглашения политики реформ и открытости Дэн Сяопина) определяется длительным периодом идеологической конфронтации и обоюдной приграничной милитаризацией на советско-китайской границе, вылившейся в конечном итоге в открытый конфликт на о. Даманском в 1969 г. Стерилизация фронта сопровождалась усилением агитационной работы, в том числе и во Внутренней Монголии, направленной против идеологических врагов, предавших идеи «истинного марксизма». Наконец, Краина как модус, содержащий имманентную

угрозу, связанную с опасностью реактивации сепаратистской риторики и панмонгольского националистического дискурса, постепенно секьютизируется, о чём свидетельствует имплементация концепта Минцзу туаньцзе» (民族团结) — классовое единство поверх этнических отличий. А декларируемое классовое единство (民族团结) конструируется путём попыток ликвидации кочевого скотоводства как архаичного пережитка периода феодализма и заменой его на оседлое.

В языковых стратегиях также прослеживается крен в сторону классовой борьбы, критики эксплуататорства традиционной элиты, освобождения от феодализма, а вместе с этим и маркирования указанных явлений и самого пространства северной периферии, как «ветхого», «замшелого» и «отсталого», нуждающегося в модернизации [Shi, 2023: 4]. По мнению Ван И, «в культурном отношении кочевничество воспринималось как отсталое, анахроничное явление, низшая стадия развития в эволюции человеческих обществ и архетип архаичного прошлого, от которого Китай стремился освободиться в своём рвении к модернизации. Всё это сделало Внутреннюю Монголию “периферией периферии” и подчинило её неравенству и господству, навязанному в глобальном масштабе капиталистической мировой системой, так и региональным различиям и культурной гегемонии, воспроизводившим эти асимметричные отношения внутри одного национального государства. Это неравенство разворачивается через наслоение палимпсеста колониальных проектов друг на друга, где каждый новый проект поглощает предыдущие — ханьские мигранты, империя Цин, Китайская Республика и КНР, а совсем недавно кампания «Откроем Запад» (xibu dakaifa 西部大開發), начатая в 1999 г., которая направлена на модернизацию до сих пор “слаборазвитых” западных внутренних районов» [Wang, 2021: 10–11]. Таким образом, социалистический период

7 Ma Yunyun [Ма Юньюнь] Zhi feng mu yu qi shi zai gongye tengfei puxingzhan [Семьдесят лет упорного труда: новая глава в истории промышленного роста]. Nei meng gu zizhiqu [Бюро статистики АРБМ]. 2024.

радикализирует логику интеграции: включение в общекитайскую систему хозяйствования сопровождается беспрецедентным проектом культурной унификации, а риторика классово-борьбы служит инструментом символического исключения.

Режим «интеграционной маргинальности» в современный период

Наконец, современный этап характеризуется гибридизацией всех четырёх модусов, действующих одновременно. Эффектом их взаимодействия стало формирование устойчивого режима пространственной маргинальности. Учитывая, что «китайское экономическое чудо» имело своим следствием углубление разрыва между юго-восточными и северо-западными регионами страны, усиление пространственного диспаритета потенциально могло спровоцировать давние этнические разногласия в автономиях, включая АРВМ. Как следствие, китайское руководство в новую эпоху сталкивается с необходимостью переопределения стратегических треков развития Внутренней Монголии и пересобирания соответствующих им нарративов. Периферийный модус сегодня ориентирован на инновационное развитие экономики автономии «Чуансинь цюдун фачжань» (创新驱动发展), о чём было заявлено в 14-ом пятилетнем плане развития до 2025 г. Согласно этому документу за периоды предыдущих пятилеток удалось создать более прочную основу экономического развития — ВВП региона рос в среднем на 4,3% в год, ВВП на душу населения превысил 10 000 долларов США [Хуе, Каррас, Уисс 2021]. При этом большое внимание направлено на внедрение новой концепции развития, основанной на инновациях, «зелёном» развитии, а также на переходе от экстенсивного характера экономического развития к интенсивному.

Провинциальный модус, рассмотренный через призму концепции «активов» периферийного пространства Лаймгрубера,

под которыми понимаются культурное разнообразие, специфические практики (кочевое скотоводство), язык, особые отношения с землёй и т.д., обнаруживает, что политика центра нацелена на присвоение этих активов в ходе внутренней унификации. Этот процесс связан с имплементацией концепта «Чжунхуа миньцзу» (中华民族) — единой китайской нации, чему предшествовал усиливающийся тренд последних двух десятилетий на культурную гомогенизацию, одним из механизмов которой стала языковая политика [Клиновский, 2021: 115–116]. Широкий общественный резонанс получил принятый в 2020 г. указ, согласно которому монголы, учащиеся начальных школах, должны начать изучать китайский язык с первого класса, начиная с сентября текущего года. Как замечает Дэцзидэма, с сентября 2021 г. на китайском языке должны были преподавать политику, а с сентября 2022 г. — историю [Дэцзидэма, 2021: 105]. Между тем, С. Путховал на основании полевого исследования в АРВМ отмечает, что уровень владения китайским языком быстро распространился среди монголызычного населения в АРВМ в середине – конце XX в., достигнув точки насыщения среди носителей монгольского языка, родившихся в 1980-х гг. и позже (почти все представители этого поколения владеют китайским языком). С. Путховал заключает, что «даже если скорость перехода останется прежней, устойчивое пропорциональное снижение в каждом поколении всё равно будет иметь кумулятивный эффект, приводя к экспоненциальному сокращению численности населения, говорящего на монгольском языке»⁸. К аналогичным выводам приходит Э. Хан, отмечавший снижение престижа монгольского языка среди молодёжи Внутренней Монголии [Han, 2011]. Следовательно, всё менее отчётливым становится провинциальный модус, одним из конституирующих элементов которого является язык. Кочевая культура, служащая основой для идентификации монголов в прошлом, сегодня приобретает черты музеефикации, становясь узнаваемым «брендом» региона

⁸ Puthuval, p. 4.

на внутреннем туристическом рынке. Как подчёркивает антрополог А. Хан, «Внутренняя Монголия продолжает восприниматься так, как это было всегда: как экзотический и дикий край, где бескрайнее голубое небо, луга, стада и кочевники» [Khan, 1996: 132–133]. При этом кочевое скотоводство постепенно вытеснилось оседлым, сельский образ жизни сменяется городским (о чём свидетельствуют темпы урбанизации — 67,48% городское и 32,52% сельское)⁹, в языковой политике прослеживаются черты унификации.

Фронтир в нынешнее время представляет собой плацдарм продвижения Китаем своих стратегических геополитических интересов вовне. В этом статусе Внутренняя Монголия маркируется как «ворота в Евразию», ключевой игрок в рамках трансграничного треугольника, а также важнейший логистический узел «Пояса и пути», — проекта, значение которого не ограничивается экономическим целеполаганием, но несёт в себе ещё и миссионерский смысл демонстрации величия страны, сумевшей пересобрать себя заново после «столетия унижений». Окраинный модус не претерпел существенных изменений в сравнении с предыдущим этапом, однако прослеживается всё более очевидная политика по усилению риторики безопасности, что продиктовано «борьбой с тремя силами зла: сепаратизмом, экстремизмом и религиозным терроризмом»¹⁰.

Заключение

Итак, проведённый анализ показывает, что за почти 400 лет пребывания в составе Китая Внутренняя Монголия претерпела существенные трансформации модели пространственной маргинальности. Рассматриваемая как «застенная» (коувай 口外) территория в доманьчжурский

период, взаимодействие с которой выстраивалось по антикинестическому сценарию, в период воцарения династии Цин она втягивается в государственное тело на особых правах довольно широкой автономии. В этот период официальный нарратив характеризуется «умиротворением варваров», после чего в 1900 г. начинается процесс вертикализации власти посредством созданного института военного губернаторства. В крайне нестабильный период после Синьхайской революции модель пространственной маргинальности представляла собой гибридную ризому. Далее после провозглашения своей власти КПК, поставив первоначальной целью очищение от «националистических пережитков», начинает демонтировать сложившуюся в имперский и республиканский периоды политику и систему взглядов на эти территории. Наблюдаемая трансформация официального дискурса, прошедшего путь эволюции от признания 5 народов в концепции «У цзу гунхэ» Сунь Ятсена до гомогенной «Единой китайской нации» Си Цзинпина, от патернализма центра в деле перехода от архаики к модерну до модернизации индустриального комплекса на основе инноваций; от региональной автономии до интеграции в общекитайское пространство. Вместе с тем трансформируется и модель пространственной маргинальности, в которой в зависимости от политики центра, геополитической ситуации и экономической конъюнктуры меняется композиция модусов пространственной маргинальности. Рассмотренный нами кейс подтверждает тезис о том, что маргиналия — это не статичное пространство; это пространство подвижно, ризоматично и противоречиво. На сегодняшний день модель гибридизации модусов пространственной маргинальности можно представить в виде следующей схемы (рис.2).

⁹ Neimenggu zizhi qu diqici quanguo renkou pucha gongbao [Бюллетень 7-ой национальной переписи населения APBM]. Neimenggu zizhi qu tongji bangongshi [Статистическое управление APBM]. Neimenggu zizhi qu renkou pucha nianjian [Ежегодник переписи населения APBM]. 2020. с. 3541.

¹⁰ Jianjue daji «san gu shili». [Решительно бороться с «тремя силами зла»] Renmin Ribao [Жэнминь жибао]. URL: <https://www.mps.gov.cn/n2253534/n2253535/c4232854/content.html>

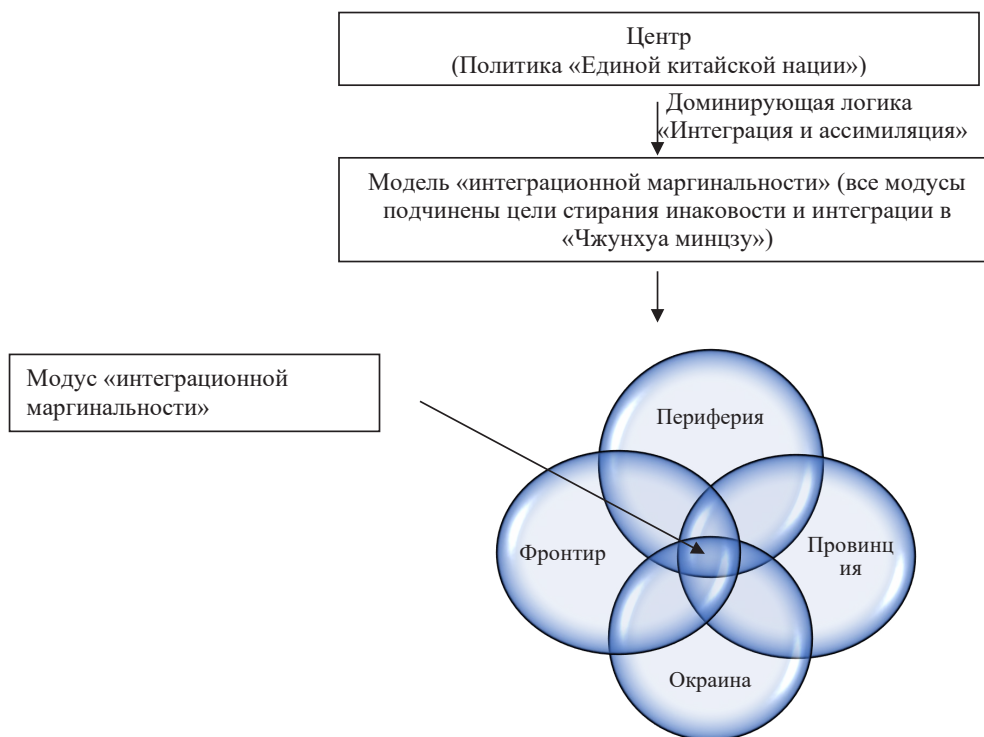


Рисунок 2. Гибридизация модусов пространственной маргинальности в АРВМ после начала реализации политики «реформ и открытости» до н.в.

Figure 2. Hybridization of modes of spatial marginality in the Inner Mongolia Autonomous Region since the beginning of the implementation of the “reform and openness” policy up to the present day

Предложенная схема демонстрирует, что пространственная маргинальность Внутренней Монголии представляет собой сложный гибридный режим, который мы определяем как «модус интеграционной маргинальности», при котором политика полной политико-экономической инкорпорации и ассимиляции приводит не к преодолению маргинального статуса этой территории, а к его перерождению в устойчиво воспроизводимую форму «включённой исключённости». Данный гибридный режим производится и поддерживается через четыре взаимопроникающих модуса, каждый из которых выполняет свою функцию в процессе конструирования подчинённого статуса региона. В рамках периферийного модуса Внутренняя Монголия конструируется как сырьевой донор для экономики национального ядра. Экономическая интеграция здесь носит экстрактивный

характер, закрепляя тем самым материальную основу маргинальности. Провинциальный модус проявляется через политику культурной и символической ассимиляции и музеефикации как механизм символического «переваривания», где регион производится как неотличимая, управляемая и предсказуемая часть целого. Кочевая культура при этом приобретает характер «коммерческого продукта», «бренда» в рамках внутреннего туристического дискурса.

Если обратиться к модусу Фронтيرا, то он являет себя через риторику моста в Евразию, ключевого узла «Пояса и пути», «экономического коридора», «зоны приграничного сотрудничества» и тем самым конструируется в качестве плацдарма для продвижения экономических интересов Китая вовне. Контроль Центра над границей нацелен не на её герметизацию, а на асимметричную проницаемость, отвечающую

экономическим интересам и культурной политики Китая. Перманентный модус Украины, маркируемый как зона потенциального риска ввиду наличия трансгрессивного бэкграунда этой территории (после Синьхайской революции и японской оккупации) и нынешней опасности религиозного экстремизма и терроризма, что оправдывает практики усиленного административного и политического контроля, окончательно закрепляющего подчинённое положение этой территории.

Таким образом, эволюция дискурсивных механизмов маргинализации Внутренней Монголии привела к формированию уникальной модели пространственной маргинальности — гибридного модуса «интеграционной маргинальности». Центр на всём протяжении истории стремился не исключить периферию, а ассимилировать её, сделав неотъемлемой частью единого национального тела — «единой китайской

нации». Эта модель реализуется через подчинение всех модусов пространственной маргинальности интегративной логике. Учитывая сказанное, модус «интеграционной маргинальности» явился итогом многовековой политики Центра в отношении Внутренней Монголии, который стремился инкорпорировать эти территории, минимизируя при этом потенциальные угрозы, исходящие от её инаковости. В заключении следует отметить, что данная работа предлагает аналитический инструментарий, позволяющий преодолеть упрощение центр-периферийного дуализма, благодаря разработке ризоматичной многомерной модели, описывающей парадоксы пространственного неравенства, которая, как представляется, обладает значительным эвристическим потенциалом и может быть апробирована в исследованиях других периферийных регионов.

Список литературы:

Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте: антропологические очерки социального пространства за пределами властного регулирования. — Москва: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2024. — 272 с.

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. — 1993. — № 2. — С. 137–150.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. — 892 с.

Дудин П. Н. Политическая история Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX века. — Новосибирск: Наука, 2024. — 480 с.

Дэцзидэма. Языковая политика КНР: создание языковой среды и сохранение старомонгольской письменности // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 103–106. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0024>

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — Москва: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.

Клиновский В. А. Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике. — Москва: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. — 176 с.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. — Санкт-Петербург: Алетейя; Харьков: Ф-пресс, 2003. — 246 с.

Курас Л. В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2016. — Т. 15. — С. 126–136.

Лазарева Т. В. Национальная политика КПК (на примере Тибета и Синьцзяна) // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: 2010–2011. — Москва: Форум, 2011. — С. 53–63.

Лефевр А. Производство пространства. — Москва: Strelka Press, 2015. — 405 с.

Мажинский С. В. Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII–XIX вв.: историко-политический экскурс // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 358. — С. 32–33.

- Мажинский С. В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 401. — С. 139–144. <https://doi.org/10.17223/15617793/401/21>
- Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949). — Москва: Наука, 1977. — 317 с.
- Митин И. Мифогеография: пространственные мифы и множественная реальность // *Communitas*. — 2005. — № 2. — С. 12–25.
- Москалев А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). — Москва: Наука, 1981. — 213 с.
- Непомнин О. Е. Экономическая история Китая: 1864–1894 гг. — Москва: Наука, 1974. — 301 с.
- Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А. Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов [и др.]. — Москва: Common Place, Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024. — 320 с.
- Преображенский Ю. В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. — 2020. — № 2. — С. 5–12. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-2-5-12>
- Саид Э. В. Ориентализм. — Москва: Музей современного искусства Гараж, 2021. — 558 с.
- Сойя Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // *Логос*. — 2003. — № 6. — С. 133–150.
- Сунь Ятсен. Избранные произведения. — Москва: Наука, 1985. — 781 с.
- Сыроежкин К. Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. — Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. — 335 с.
- Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 348 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493638>
- Becquelin N. Xinjiang in the Nineties // *The China Journal*. — 2000. — No. 44. — P. 65–90. <https://doi.org/10.2307/2667477>
- Bulag U. E. The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity. — Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. — xi, 273 p.
- Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. — London: Croom Helm, 1984. — 293 p.
- Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China / ed. by P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. — Berkeley: University of California Press, 2006. — 388 p.
- Han E. The Dog That Hasn't Barked: Assimilation and Resistance in Inner Mongolia, China // *Asian Ethnicity*. — 2011. — Vol. 12, No 1. — P. 55–75. <https://doi.org/10.1080/14631369.2011.538223>
- Khan A. Who Are the Mongols?: State, Ethnicity, and the Politics of Representation in the PRC // *Negotiating Ethnicities in China and Taiwan*. — Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1996. — P. 125–159. <https://doi.org/10.2307/jj.14904988.10>
- Kinzley J. Turning prospectors into settlers: gold, immigrant miners and the settlement of the frontier in late Qing Xinjiang // *China on the Margins*. — Ithaca, New York: Cornell University East Asia Program. — P. 17–42.
- Lattimore O. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese, and Present Political Problems; with Maps. — New York: John Day Company, 1934. — 311 p.
- Leimgruber W., Chang Cy.D. Rural Space Between Marginality and Centrality. Approaches to Marginality Issues in Rural Areas // *Rural Areas Between Regional Needs and Global Challenges. Perspectives on Geographical Marginality*. — Cham: Springer, 2019. — P. 3–14. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04393-3_1
- McMahon D. China's Borderlands under the Qing, 1644–1912: Perspectives and Approaches in the Investigation of Imperial Boundary Regions. — London: Routledge, 2020. — 232 p. <https://doi.org/10.4324/9781003142737>
- Mosca M. W. From frontier policy to foreign policy: the question of India and the transformation of geopolitics in Qing China. — Redwood City: Stanford University Press, 2013. — 408 p.

Shen Y., Shyu L. China's Ethnic Relations in Historical Perspective: From the Qing to the People's Republic // *The Historian's Gaze Essays on Modern and Contemporary China in Honor of Guido Samarani*. — Venice: Fondazione Università Ca' Foscari, 2023. — P. 51–76 <https://doi.org/10.30687/978-88-6969-723-4/004>

Sneath D. *Changing Inner Mongolia: Pastoral Mongolian Society and the Chinese State*. — Oxford: Oxford University Press, 2023. — 320 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198234135.001.0001>

Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. — Princeton: Princeton University Press, 2020. — 367 p.

Viljoen H. Marginalia on Marginality // *Alternation*. — 1998. — Vol. 5, No 2. — P. 10–22.

Wang J. Regional and Local Approaches to the Frontiers in North China from the Tenth to Thirteenth Centuries // *Journal of Song-Yuan Studies*. — 2022. — Vol. 51, No 1. — P. 1–14. <https://dx.doi.org/10.1353/sys.2022.0004>

Wang L. From Masterly Brokers to Compliant Protégées: The Frontier Governance System and the Rise of Ethnic Confrontation in China–Inner Mongolia, 1900–1930 // *American Journal of Sociology*. — 2015. — Vol. 120, No 6. — P. 1641–1689. <https://doi.org/10.1086/682021>

Wang Yi *Transforming Inner Mongolia: commerce, migration, and colonization on the Qing frontier*. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2021. — xvi, 334 p.

Xue Z, Kappas M, Wyss D. Spatio-Temporal Grassland Development in Inner Mongolia after Implementation of the First Comprehensive Nation-Wide Grassland Conservation Program // *Land*. — 2021. — Vol. 10, No 1. — P. 38. <https://doi.org/10.3390/land10010038>

Zatsepine V. *Beyond the Amur: Frontier Encounters Between China and Russia, 1850–1930*. — Vancouver: UBC Press, 2017. — 233 p.

李晶. 内蒙古民族教育发展现状及对策 // *黑龙江民族丛刊*. — 2006. — No 6. — P. 106–111.

[Li Jing. The Current Situation and Measures of the Educational Development of Inner Mongolian Nationality // *Heilongjiang National Series*. — 2006. — No 6. — P. 106–111].

References:

Bassin, M. (2004) *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493638>

Becquelin, N. (2000) 'Xinjiang in the Nineties', *The China Journal*, (44), pp. 65–90. <https://doi.org/10.2307/2667477>

Bliakher, L. E. and et al (2024) *Zhizn' v pustote: antropologicheskiye ocherki postoyannykh prostranstv za predelami vlastnogo regulirovaniya* [Life in the Void: Anthropological Essays on Social Space Beyond Government Regulation]. Moscow: Fond podderzhki sotsial'nykh issledovaniy Khamovniki: Common Place Publ. (In Russian).

Bourdieu, P. (1987) 'Espace social et pouvoir symbolique', *Les choses dites*. Paris: Éditions de Minuit, pp. 147–166. (Russ. ed.: (1993) 'Sotsial'noye prostranstvo i simvolicheskaya vlast', Thesis, (2), pp. 137–150.).

Bulag, U. (2002) *The Mongols at China's edge: history and the politics of national unity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Cosgrove, D. E. (1984) *Social formation and symbolic landscape*. London: Croom Helm.

Crossley, P. K., Siu, H. F. and Sutton, D. S. (eds) (2006) *Empire at the margins: culture, ethnicity, and frontier in early modern China*. Berkeley: University of California Press.

Deleuze, G. and Guattari, F. (1980) *Capitalisme et schizophrénie 2: Mille plateaux*. Paris: Éditions de minuit. (Russ. ed.: (2010) *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Yekaterinburg: U-Factoria Publ.; Moscow: Astrel Publ.),

Detsidema (2021) 'Language Policy in China: Creating a Language Environment and Preserving the Old Mongolian Script', *Baltic Humanitarian Journal*, 10(1), pp. 103–106. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/bg3-2021-1001-0024>

Dudin, P. N. (2024) *Politicheskaya istoriya Vnutrenney Mongolii v kontse XIX – nachale XX veka* [Political history of Inner Mongolia in the late 19th – first half of the 20th century]. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian).

- Han, E. (2011) 'The dog that hasn't barked: assimilation and resistance in Inner Mongolia, China', *Asian Ethnicity*, 12(1), pp. 55–75. <https://doi.org/10.1080/14631369.2011.538223>
- Kagansky, V. L. (2001) *Cultural Landscape and Soviet Habitable Space*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).
- Khan, A. (1996) 'Who Are the Mongols? State, Ethnicity, and the Politics of Representation in the PRC', *Negotiating Ethnicities in China and Taiwan*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, pp. 125–159. <https://doi.org/https://doi.org/10.2307/jj.14904988.10>
- Kinzley, J. (2010) 'Turning prospectors into settlers : gold, immigrant miners and the settlement of the frontier in late Qing Xinjiang', *China on the Margins*. Ithaca, New York: Cornell University East Asia Program, pp. 17–42.
- Klinovskiy, V. A. (2021) *Political and Legal History of Language Reforms in People's Republic of China*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Kristeva, J. (1980) *Pouvoirs de l'horreur: essai sur l'abjection*. Paris: Editions du Seuil. (Russ. ed.: (2003) *Sily uzhasa: sut' ob otrashchenii*. Saint Petersburg: Aletheia; Kharkov: F-press.).
- Kuras, L. V. (2016) 'Inner Mongolia as Part of the Empire of the Great Qing', *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 15, pp. 126–136. (In Russian).
- Lattimore, O. (1934) *The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese, and Present Political Problems; with Maps*. New York: John Day Company.
- Lazareva, T. V. (2011) 'Natsional'naya politika KPK (na primere Tibeta i Sin'tszyana) [National policy of the CPC (on the example of Tibet and Xinjiang)]', *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura: 2010–2011* [People's Republic of China: politics, economics, culture: 2010–2011]. Moscow: Forum Publ. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1974) *La production de l'espace*. Paris: Éditions Anthropos. (Russ. ed.: (2015) *Proizvodstvo prostranstva*. Moscow: Strelka Press.).
- Leimgruber, W. and Chang, C. D. (2019) 'Rural Space Between Marginality and Centrality. Approaches to Marginality Issues in Rural Areas', *Rural Areas Between Regional Needs and Global Challenges*. Cham: Springer International Publishing (Perspectives on Geographical Marginality), pp. 3–14. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04393-3_1
- Li Jing (2006) 'The Current Situation and Measures of the Educational Development of Inner Mongolian Nationality', *Heilongjiang National Series*, (6), pp. 106–111. (In Chinese).
- Mazhinskiy, S. V. (2012) 'Chinese Policy in Inner Mongolia: Historical and Political Excursus', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (358), pp. 32–33. (In Russian).
- Mazhinskiy, S. V. (2015) 'Chinese government and the Inner Mongolia Autonomous Region during 1966–1969: from dialogue to political struggle', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (401), pp. 139–144. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/401/21>
- McMahon, D. (2020) *China's Borderlands under the Qing, 1644–1912: Perspectives and Approaches in the Investigation of Imperial Boundary Regions*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003142737>
- Meliksetov, A. V. (1977) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika gomin'dana v Kitaye (1927–1949)* [Socio-economic policy of the Kuomintang in China (1927–1949)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Mitin, I. (2005) 'Mifogeografiya: prostranstvennyye mify i mnozhestvennaya real'nost' [Mythogeography: Spatial Myths and Multiple Reality]', *Communitas*, (2), pp. 12–25. (In Russian).
- Moskalev, A. A. (1981) *Politika KNR v natsional'no-yazykovom voprose (1949–1978)* [The policy of the PRC in the national-language issue (1949–1978)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Nepomnin, O. E. (1974) *Ekonomicheskaya istoriya Kitaya: 1864–1894 gg.* [Economic history of China: 1864–1894]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Preobrazhenskiy, Yu. V. (2020) 'Spatial Marginalization: Approaches and Levels of Research', *Herald of Tver State University. Series: Geography and Geoecology*, (2), pp. 5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-2-5-12>
- Said, E. W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon Books. (Russ. ed.: (2021) *Orientalizm*. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva Garazh.).

Savchenko, T. N. and et al (2024) *Potentsial'nyy Dal'niy Vostok. Kak rastsvetayut i ugasayut proyekty razvitiya v samykh bol'shikh regionakh Rossii* [Potential Far East. How development projects flourish and fade in Russia's largest region]. Moscow: Common Place, Fond podderzhki sotsial'nykh issledovaniy Khamovniki Publ. (In Russian).

Shen, Y. and Shyu, L. (2023) 'China's Ethnic Relations in Historical Perspective: From the Qing to the People's Republic', *The Historian's Gaze: Essays on Modern and Contemporary China in Honor of Guido Samarani*. Venice: Fondazione Università Ca' Foscari, pp. 51–76. <https://doi.org/10.30687/978-88-6969-723-4/004>

Sneath, D. (2023) *Changing Inner Mongolia: Pastoral Mongolian Society and the Chinese State*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198234135.001.0001>

Soja, E. W. (2000) '11 Simcities: Restructuring the Urban Imaginary', *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Malden: Blackwell, pp. 323–349. (Russ. ed.: (2003) 'Postmetropolis. Kriticheskiye issledovaniya gorodov i regionov', Logos, (6), pp. 133–150.).

Sun Yat-sen (1985) *Izbrabnye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Syroezhkin, K. L. (2015) *Sin'tszyan: bol'shoy vopros dlya Kitaya i Kazakhstana* [Xinjiang: A Big Question for China and Kazakhstan]. Almaty: IMĖP pri Fonde Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan Publ. (In Russian).

Urbansky, S. (2020) *Beyond the steppe frontier: a history of the Sino-Russian border*. Princeton: Princeton University Press.

Viljoen, H. (1998) 'Marginalia on Marginality', *Alternation*, 5(2), pp. 10–22.

Wang, J. (2022) 'Regional and Local Approaches to the Frontiers in North China from the Tenth to Thirteenth Centuries', *Journal of Song-Yuan Studies*, 51(1), pp. 1–14. <https://doi.org/10.1353/sys.2022.0004>

Wang, L. (2015) 'From Masterly Brokers to Compliant Protégées: The Frontier Governance System and the Rise of Ethnic Confrontation in China–Inner Mongolia, 1900–1930', *American Journal of Sociology*, 120(6), pp. 1641–1689. <https://doi.org/10.1086/682021>

Wang, Y. (2021) *Transforming Inner Mongolia: commerce, migration, and colonization on the Qing frontier*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Xue, Z., Kappas, M. and Wyss, D. (2021) 'Spatio-Temporal Grassland Development in Inner Mongolia after Implementation of the First Comprehensive Nation-Wide Grassland Conservation Program', *Land*, 10(1), p. 38. <https://doi.org/10.3390/land10010038>

Zatsepine, V. (2017) *Beyond the Amur: Frontier Encounters Between China and Russia, 1850–1930*. Vancouver: UBC Press.

Информация об авторе

Дарья Александровна Ананьина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Забайкальский государственный университет, 672000, г. Чита, ул. Бабушкина, 129; старший научный сотрудник Забайкальского научного центра Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д.89 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Darya A. Ananyina — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Transbaikal State University, 129, Babushkina st, Chita, 672000; Senior Research Fellow, Transbaikal Scientific Center Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 89, Pushkinskaya street, Vladivostok, 690001 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 05.03.2026.